

Степанова Анна Александровна, Смирнов Кирилл Валентинович

О СПЕЦИФИКЕ АНАЛИЗА РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА В МОНОГРАФИИ R. PEACE "OBLOMOV: A CRITICAL EXAMINATION OF GONCHAROV'S NOVEL"

В данной статье говорится о специфике толкования романа И. А. Гончарова "Обломов" британским литературоведом Р. Писом в монографии OBLOMOV: A CRITICAL EXAMINATION OF GONCHAROV'S NOVEL (Обломов: критический анализ романа Гончарова). Проанализирована специфика толкования исследователем образов главных героев произведения - Обломова, Ольги и Агафьи, - с учетом индивидуально-авторского понимания романа; особое внимание уделено понятию "другой" как одному из значительных контекстуальных элементов. Доказано, что ориентация на однозначность трактовки основных образов является одной из отличительных черт монографии. Рассмотрение работы Р. Писа позволяет глубже понять сферы анализа романа и расширить круг вопросов в рамках его исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 34-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Влияние социального статуса имеет место только в том случае, если общение происходит в рамках официальной обстановки, в этом случае жанр может быть напрямую связан с возможностями реализации той или иной формы. Так, например, жанр «деловое письмо» подразумевает обращение к адресату на Вы, по имени и отчеству или с указанием фамилии, независимо от степени близости адресанта и адресата, а жанр «бытовое письмо», напротив, не имеет такого рода ограничений. Что касается числа участников, их возраста, характера взаимоотношений, пола, то выбор конкретного жанра «переплетается» с этими характеристиками, логически вытекая из них, так как учет всех этих данных позволяет выбрать более точный жанр. Безусловно, эти факторы связаны с функциональным стилем, его возможностями, рамками, при которых те или иные отношения между говорящими определены как внешними так и внутренними условиями.

11. **Внеязыковые факторы** – это те факторы, которые, по мнению ряда авторов, могут влиять на языковую форму выражения, но сами никак не связаны с языком. В русском языке можно говорить лишь о косвенном воздействии внеязыковых факторов на жанр, например, потеря голоса может заставить оратора отказаться от публичного выступления и обратиться к жанру газетной статьи. Хотя в других языках, например, в японском, существует прямая взаимосвязь: жанр сезонных писем (мимаи), который связан с погодными особенностями страны.

Таким образом, можно сказать, что жанр является многофункциональным, сложноструктурированным типом текста, который связан с целым рядом различных внутренних и внешних факторов. Особенности реализации каждого фактора, их взаимодействие, внутренние особенности, градация и обуславливают жанровую специфику функционального стиля, его структурные, типологические особенности. Почти безграничное влияние друг на друга рассмотренных компонентов приводит к тому, что «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности» [1, с. 159].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 5-и т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940-1960 гг. С. 159-206.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Социальная психоллингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. С. 179-236.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
4. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. М., 1997. № 5. С. 102-121.

THE STRUCTURE AND CRITERIA OF DIFFERENTIATION OF A LANGUAGE GENRE

Statsenko Anna Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban State Technological University
annaphil@mail.ru

The article examines the structural peculiarities of a language genre. The language genre is a concrete implementation, the reflection of a functional style in the text; its realization may be connected with a number of peculiarities, as the language genre has a complicated structure. The emphasis of its components should be based on the stable criteria, relying on the functional style, its characteristics and peculiarities.

Key words and phrases: genre; speech genre; text; functional style; structure.

УДК 821.161.1

В данной статье говорится о специфике толкования романа И. А. Гончарова «Обломов» британским литературоведом Р. Писом в монографии OBLOMOV: A CRITICAL EXAMINATION OF GONCHAROV'S NOVEL (Обломов: критический анализ романа Гончарова). Проанализирована специфика толкования исследователем образов главных героев произведения – Обломова, Ольги и Агафьи, – с учетом индивидуально-авторского понимания романа; особое внимание уделено понятию «другой» как одному из значительных контекстуальных элементов. Доказано, что ориентация на однозначность трактовки основных образов является одной из отличительных черт монографии. Рассмотрение работы Р. Писа позволяет глубже понять сферы анализа романа и расширить круг вопросов в рамках его исследования.

Ключевые слова и фразы: субъективизм; «другой»; Обломовка; гости; мировоззрение; типизация.

Степанова Анна Александровна
Смирнов Кирилл Валентинович
Вологодский государственный университет
vinann07@mail.ru; kirill_smirnov_1989@list.ru

О СПЕЦИФИКЕ АНАЛИЗА РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА В МОНОГРАФИИ R. PEASE «OBLOMOV: A CRITICAL EXAMINATION OF GONCHAROV'S NOVEL»

Едва ли найдется человек, знакомый с романом И. А. Гончарова «Обломов» и при этом не знающий о статье Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?». Прославившийся еще до опубликования роман привлек внимание читающей публики. О нем отзывались представители разных журналов и литературных

течений: Б. Алмазов, А. В. Дружинин, Ап. Григорьев и проч. Воодушевленный своим успехом, Гончаров писал И. И. Лъховскому: «"Обломов", по выходе всех частей, произвел такое действие, какого ни Вы, ни я не ожидали. Увлечение Ваше повторилось, но гораздо сильнее, в публике. Даже люди, мало расположенные ко мне, и те разделили впечатление. Оно огромно и единодушно» [5, с. 321].

Казалось бы, что еще можно сказать об «Обломове» нового в наши дни, когда о тексте написано столько. Однако появляются все новые и новые вопросы, направления исследования. Венгерская исследовательница А. Молнар затрагивает проблему фонетики в романе [10], В. Мельник изучает православный подтекст [9], о модели воспитания как основной идейной линии пишет Е. Краснощекова [7]. Интересными выглядят работы и зарубежных литературоведов (Милтон Эре [12], А. Валицкий [16], Ф. Д. Рив [14] и др.) Трудно выделить кого-либо из современных гончароведов в формате новизны, т.к. из-за огромного количества работ некоторые ценные наблюдения теряются; одни статьи дублируют другие, развиваемые темы в первых едва изменены содержательно во вторых. К примеру, Н. Л. Ермолаева, разрабатывая символ камня в романе «Обломов», приходит к идее о контекстуальной аналогии романа с мифом о «Пигмалионе и Галатее». Ольга становится Пигмалионом, Обломов – Галатеей [6, с. 75]. Идентичная этой идее поднималась в работе А. М. Буланова [1], впоследствии разрабатывалась в статье Е. Н. Строгановой [11] и практически в том же самом толковании применительно к «Обрыву» Е. А. Краснощековой [7]. Среди многообразия исследований творчества И. А. Гончарова есть одно отчасти забытое – никогда не переводимая на русский язык монография Р. Писа “Oblomov: A Critical Examination of Goncharov’s Novel” [12] («Обломов: критический анализ романа Гончарова»). В связи с тем, что дать полноценный разбор монографии в рамках одной статьи не представляется возможным, мы остановимся на некоторых нюансах толкования романа британским литературоведом, среди которых понятие «другого», образы Обломова, Ольги и Агафьи. К сожалению, сейчас нет ни одной работы, посвященной анализу монографии Р. Писа.

Прежде чем начать разговор о специфике интерпретации романа Р. Писом, нужно учитывать один аспект: репрезентируя сюжетную модель романа, исследователь искажает основной замысел романа, озвученный самим писателем в многочисленных письмах, исключая амбивалентность ведущих образов. К сожалению, исправить данный нюанс совершенно невозможно, т.к. осознать всю глубину национального колорита возможно лишь за счет полного в него погружения.

Одной из отличительных черт монографии «Обломов: критический анализ романа Гончарова» является частое использование сравнений. При этом сравнивается Илья Ильич не только на уровне контекста, но и выступает в роли мерила человеческой исключительности. Руководствуясь сопоставлением, Р. Пис сближает Обломова с Л. И. Брежневым и Горбачевым [13, р. 2]. При этом аспектами сравнения выступают, вероятнее всего, продукты деятельности. Данная точка зрения оригинальна, но актуальна только в рамках анекдота.

К сожалению, в современности подобные некорректные формулировки нередки. Венгерская исследовательница творчества писателя А. Молнер заявляет о специфике фонетического построения высказывания Гончаровым. Знаменательно, что такие слова, как чувство, грустно, содержат знаковые единицы “уст”, возвышенного варианта “губ”, простого наименования органа речи и части фамилии “Товстогуб” [10, с. 243]. Нет ни единого подтверждения интереса Гончарова к фонетическому аспекту языкознания, поэтому данное утверждение маловероятно. Стремление открыть что-то новое в творчестве Гончарова чревато серьезными последствиями: приписыванием автору того, что он не совершал и о чем не задумывался.

В главе «Сон» Р. Пис утверждает: «В отличие от героев романов Диккенса (Дэвид Копперфильд или Оливер Твист), чей опыт тяжелого детства не оставил следов, Обломов полностью сформировался в детстве» [13, р. 21]. Поддаваясь свойственному в советский период увлечению статьей Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» и возвышением ее до уровня единственно верной, Р. Пис указывает на то, что корни обломовского менталитета сугубо проистекают из Обломовки. Однако данная позиция не совсем корректна. Психология Ильи Ильича лишь отчасти продиктована культурой предков, иначе совершенно непонятен его отъезд из Обломовки, вероятно, с целью обособиться.

Общество изначально не принимает Обломова, о чем свидетельствуют гости. Сам Обломов в разговоре со Штольцем заявляет: «Ты, верно, нарочно, Андрей, посылаешь меня в этот свет и общество, чтобы отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, это члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку?» [3, с. 173]. Проблема «лишнего человека» реализуется в образе Ильи Ильича в достаточной степени, чтобы говорить о влиянии общества Волковых и Алексеевых. Обломов стал Обломовым в окружении этих людей, переняв из Обломовки лишь одухотворенность и помещичий нрав, но не менталитет. Но почему же такие люди как гости приходят к нему? Развивая мысль, Р. Пис, рассуждая о Тарантьеве, пишет: «Позже он даже пытается уговорить Тарантьева написать за него письма для него и причина, по которой он позволяет таким «русским пролетариям» как Тарантьев и Алексеев жить за его счет, снова отсылает к “Сну”» [12, р. 22].

Ссылка на «Сон» предполагает контекстуальное отождествление Тарантьевых и Алексеевых с обломовцами. Но эти герои не могут считаться «лишними людьми», т.к. они типичные представители петербургского общества, поэтому, исходя из психологии Ильи Ильича, скорее сопоставимы с «другими» («Другой работает без устали, бегает, суетится, не поработает, так не поест. Другой кланяется, другой просит, унижается...» [15, р. 92]). Обломовка – мир в большей степени иллюзорный, волшебный и, следовательно, уникальный: «Где мы? в какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край?» [3, с. 98]. Типичным является

и психологический портрет Обломова. Сам Гончаров заявлял о своем стремлении изображать «типичных» героев: «Истинное произведение искусства может изображать только устоявшуюся жизнь в каком-нибудь образе, в физиономии, чтобы и самые люди повторились в многочисленных типах под влиянием тех или других начал, порядков, воспитания, чтобы явился какой-нибудь постоянный и определенный образ формы жизни и чтобы люди этой формы явились в множестве видов или экземпляров с известными правилами, привычками» [2, с. 94]. Сближение «других» Тарантьева и Алексеева с обитателями Обломовки возможно только в случае бесперспективности духовного самосовершенствования, но об этом в работе Р. Писа речь не идет.

Под категорию «других» подходит и Агафья Пшеницына, на которой, по мнению Р. Писа, всецело лежит вина расставания Обломова с Ольгой [13, р. 38]. С этой точкой зрения также нельзя согласиться. В письме от 20 мая 1959 года И. А. Гончаров сообщает Льховскому: «Поселившийся на Выборгской стороне, он будто возвращается в покинутую, но не забытую им Обломовку» [4, с. 67]. Образ Выборгской стороны дублирует Обломовку. Но Обломов не может быть «другим» по отношению к самому себе. Агафья Пшеницына как героиня, воплощающая обломовскую мечту, тоже вряд ли может быть другой. Она – и няня, и Милитриса Кирбитьевна, и мама. Эту точку зрения Р. Пис также озвучивает. По его мнению, Обломов – вечный ребенок; он отказывается полностью развиваться, и его тянут к Ольге увиденные им в ней материнские качества [13, р. 53]. «Несмотря на то, что Обломов имеет свою твердую точку зрения на свою роль в их взаимоотношениях, которые поддерживаются грезами о счастье, он, тем не менее, ищет утешения, затем уступки и жертвы от Ольги» [Ibidem, р. 50]. Здесь Р. Пис, несомненно, прав. Ольга не может поддержать обломовскую мечту, сводящуюся к наслаждению ради наслаждения. Но и Обломов не готов измениться ради нее, т.к. просто не в состоянии в 33 года пересмотреть свою сформировавшуюся временем модель жизни. Происходит закономерный разрыв в их отношениях, вызванный отчасти эгоцентризмом, свойственным и ему, и ей.

М. Б. Лоскутникова в статье «Поликультурное понимание иронии в романах И. Гончарова и особенности исследовательских позиций» отмечает: «Зарубежные исследователи сосредоточивают внимание не только на тех сценах, которые были актуализированы в русской науке. Так, Р. Пис в своей монографии останавливается, в числе прочего, на сцене объяснения Обломова и Ольги у зеркала (в финале главы V, часть 2-я). Исследователь усматривает намеренную авторскую иронию в факте выражения и восприятия чувств при помощи этой своеобразно отражающей (преломляющей) поверхности» [8, с. 82].

Итак, Р. Пис попытался изложить всю глубину центральных образов романа: Обломова, Ольги и Агафьи, а также влияния на них обломовщины. Отчасти анализ можно признать успешным, отчасти он противоречив. Некоторая недосказанность монографии оправдывается значительной разницей менталитетов Р. Писа и И. А. Гончарова. Ориентируясь на статью Н. А. Добролюбова и работы В. И. Ленина как основные и не принимаемая во внимание позиций других критиков, исследователь углубляется в субъективизм. Это выражается и в отождествлении Обломова и его гостей, хотя разграничительная линия достаточно явно оформлена: «Не подходит, вы с холода», и в «растягивании» понятия «другой», относящегося теперь и к образу Агафьи Пшеницыной. Идея образа Обломова как ребенка более чем успешно впоследствии была развита Е. А. Краснощековой [7].

Дальнейшее изучение монографии Р. Писа может быть интересным в плане индивидуально-авторской трактовки, но как научное исследование работа британского литературоведа все-таки не совсем продуктивна.

Список литературы

1. Буланов А. М. «Ум» и «сердце» в русской классике. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 157 с.
2. Гончаров И. А. Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8-ми т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. 576 с.
3. Гончаров И. А. Обломов: роман в четырех частях / статья и примечания А. Г. Гродецкой. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2012. 640 с.
4. Гончаров И. А. Письмо И. И. Льховскому // Очерки. Литературная критика. Письма. Воспоминания современников / сост. вступ. ст., прим. Т. В. Громовой. М.: Правда, 1986. 592 с.
5. Гончаров И. А. Письмо И. И. Льховскому // Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8-ми т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. 576 с.
6. Ермолаева Н. Л. Эпическое мышление И. А. Гончарова: дисс. ... д. филол. н. / Иванов. гос. университет. Иваново, 2011. 360 с.
7. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров. Мир творчества. СПб.: Издательство Пушкинского фонда, 2012. 528 с.
8. Лоскутникова М. Б. Поликультурное понимание иронии в романах И. Гончарова и особенности исследовательских позиций // Русистика и компаративистика: сборник научных статей. Вильнюс: Литовский эдукологический университет, 2013. Вып. VIII. Научное издание. С. 75-87.
9. Мельник В. И. Гончаров и Православия. Духовный мир писателя. М.: ДАРЪ, 2008. 544 с.
10. Молнар А. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 448 с.
11. Строганова Е. Н. Миф о Пигмалионе в романной трилогии И. А. Гончарова // Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2008. С. 215-221.
12. Milton E. Oblomov and his Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton University Press, 1973. 312 p.
13. Peace R. Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel. Birmingham: Department of Russian language and literature, 1991. 88 p.
14. Reeve F. D. Oblomovism Revisited // The American Slavic and East European Review, 1956. № 1. P. 112-118.
15. Setchkaev V. Ivan Goncharov: His Life and His Works. Würzburg: Jal-Verlag, 1974. 339 p. (Colloquium slavicum; 4).
16. Walicki A. The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Oxford University Press, 1975. 618 p.

**ON THE SPECIFICITY OF ANALYSIS OF I. A. GONCHAROV'S NOVEL
IN THE MONOGRAPH BY R. PEACE "OBLOMOV:
A CRITICAL EXAMINATION OF GONCHAROV'S NOVEL"**

**Stepanova Anna Aleksandrovna
Smirnov Kirill Valentinovich**
Vologda State University
vinann07@mail.ru; kirill_smirnov_1989@list.ru

The article deals with the specificity of interpretation of I. A. Goncharov's novel "Oblomov" by the British literary critic R. Peace in his monograph "Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel". The authors analyze the specificity of R. Peace's interpretation of the main characters of the work (Oblomov, Olga, Agafia) taking into account the author's individual understanding of the novel, and pay special attention to the notions "the other" as one of considerable contextual elements. It is proved that the orientation toward the unambiguity of interpretation of basic characters is one of distinguishing features of the monograph. The consideration of this monograph by R. Peace allows understanding deeper the spheres of analysis of the novel and extending the range of questions within the framework of his research.

Key words and phrases: subjectivism; "the other"; Oblomovka; visitors; world outlook; typification.

УДК 821.352.30

В статье представлен обзорный анализ эволюции кабардинского песенного искусства на материале исследования поэтических текстов известных поэтов, переложенных на музыку в разные периоды развития национальной поэзии. Автор акцентирует свое внимание на творчестве одного из талантливых кабардинских поэтов Анатолия Мукожева, в частности рассматривается текст популярной в народе «Колыбельной песни».

Ключевые слова и фразы: поэзия; песня; творчество; кабардинский поэт; музыка; строфа; идейно-тематическая направленность.

Хавжокова Людмила Борисовна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

**ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАБАРДИНСКИХ ПОЭТОВ: ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ
И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ» А. МУКОЖЕВА**

Песенное искусство кабардинцев берет свое начало в раннеадыгском фольклоре, в котором «сохранилось большое количество обрядовых, культовых и календарных песен... напевов символично-магического значения и стимуляционных речитативов» [4, с. 12]. В целом песенный фольклор адыгов включает такие разновидности, как *ритуально-обрядовые, трудовые, бытовые, героические, исторические, лирические, колыбельные, сатирические, шуточные, гыбзы, сетования, пляски (плясовые)*. Как особую разновидность выделяют *кебжечи* (кэбжэчк; по А. Т. Шортанову – кебжеки) – частушечная форма песни, сопровождаемая инструментальной музыкой.

Как отмечает Х. Хавпачев, в развитии профессиональной кабардинской вокальной музыки можно выделить четыре периода: довоенный (20-30-е гг.), военный (вторая половина 40-х гг.), послевоенные годы (со второй половины 40-х гг. до 50-х гг.) и 50-80-е гг. [6, с. 54]. К ним можно добавить еще два этапа – 80-90-е и 90-2000-е гг.

В 20-е гг. первые песни о победе Октябрьской революции и утверждении новой жизни создавали народные сказители-певцы и поэты Б. Пачев, А. Хавпачев, чуть позже И. Кажаров, Б. Казиев, К. Каширгова.

С 30-х гг. композиторы в основном обращались к текстам таких известных поэтов, как Али Шогенцуков: «Колыбельная» (муз. А. Авраамова), «Все беритесь за оружие» (муз. Т. Шейблера); Бетал Куашев: «Призывники» (муз. Т. Шейблера), «Кабардинская песня о мире» (муз. В. Мурадели); Алим Кешоков: «Белая голубка» (муз. Х. Карданова), «Привет Москве» (муз. Т. Шейблера), «Песня матери» (муз. Э. Диментман).

В 60-80-х гг. наиболее популярными были песни на стихи поэтов Али Шогенцукова: «Роза Пиренеев» (муз. Т. Блаевой); Алима Кешокова: «Адыгское небо» (муз. У. Тхабисимова), «Оседляйте коня» (муз. Дж. Хаупа), «Ладонь для птиц» (муз. З. Жирикова), «Зажги, любовь, еще одну звезду» (муз. В. Молова); Адама Шогенцукова: «Береза над ущельем» (муз. З. Жирикова); Лиуана Губжокова: «Кто ты – Мадина или Марина?» (муз. Х. Карданова), «Лань возвращается к истокам» (муз. В. Молова), «Колыбельная» (муз. Р. Губжоковой); Бетала Бахова: «Кто отнял тебя у меня?» (муз. Х. Карданова) и др.

После 30-х гг. XX века в песенном искусстве кабардинцев начинается этап отграничения от фольклорных мотивов и интенсивного развития лирического жанра – появляются песни любовного содержания, что ранее было несвойственно этноментальным представлениям адыгов. Лирические песни того времени обычно назывались именами возлюбленных-адресатов. Так появились песни «Муад», «Юра», «Рая», «Фатима», «Таужан» и др. Данное явление продолжилось и в последующие десятилетия.